

АРХЕО·ГРАФИКА

№14, декабрь 2023 г. ~ трудами Археографической лаборатории Истрафа МГУ

В номере:

**ОПЫТ ОПИСАНИЯ
рукописи XVIII в:
пробы пера и работа
с филигранями**

Леонид Кулыгин

**ИЗ БЕСЕДЫ
с Марией Григорьевной
Гавриловой (1935 г.р.)
о деревне Китово**

*Анастасия Симонова
(расшифровка)*

**АНАЛИЗ
ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА**

Василий Прокудин

ДОСПЕШКА

Арина Котова

**Проблемы атрибуции
Старообрядческих
изданий вт. пол. XIX –
нач. XX века на примере
издания Минеи общей,
типографии
Л.А. Гребнева**

Данила Кочанников

Чем дальше в поле, тем сложнее уехать

В прошлом году мы надеялись на полевой экспресс-метод в сотрудничестве перфекционизма и разума. Мы – группа руководителей – планировали по итогам полевого новгородского сезона завершить работу над каталогом библиотеки новгородской поморской старообрядческой общины и сделать книгу об антропологических впечатлениях от маленького райцентра Крестцы. Вместо этого в Новгороде книжники расширили выборку из собрания, которую быстренько не опишешь, а антропологам в Крестцах внезапно разрешили работать с общинной библиотекой, на которую мы с восторгом потратили кучу времени. Собственно антропология со всеми прошлогодними идеями споткнулась о жизнь, теории посыпались, и общая картина изменилась настолько, что встал вопрос – как же нам все успеть и как писать о том, что с трудом пропускает даже самоцензура.

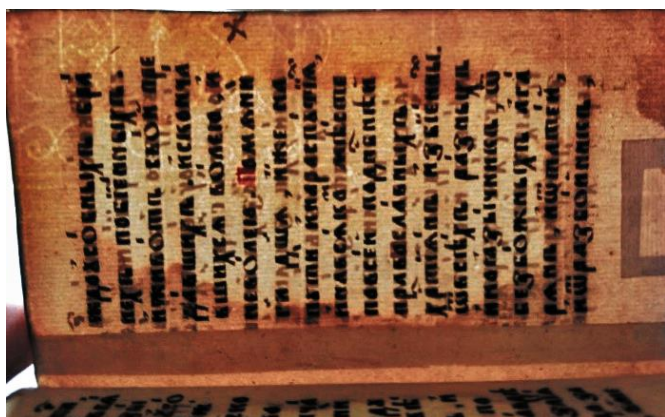
Мы все постоянно учимся. Мы пригласили в поле коллег из Екатеринбурга и учились друг у друга тонкостям и подходам двух археографических школ. Еще мы увлеклись поздней старообрядческой печатью и вместе с Леонидом Кулыгиным (его исследование читайте в номере) съездили на стажировку к Ирине Викторовне Починской, ведущему специалисту по теме, в Екатеринбург. Данила Кочанников, столкнувшись в поле с поздним экземпляром, провел свое исследование – также читайте в номере. Арина Котова буквально вчера к нашей радости стала сотрудником лаборатории, поздравляем нас, ведь соратником, исследователем-универсалом и надежным плечом она для нас стала еще в прошлогодней экспедиции, ее исследование текущего года – снова читайте тут, не пожалеете. И в итоге мы не завершаем поле, мы поедem снова!

Опыт описания рукописи XVIII в: пробы пера и работа с филигранями

В новгородской старообрядческой поморской общине среди прочего я описывал рукописный Синодик начала XVIII в.

Рукопись из 80 листов в восьмёрку была создана в первой четверти XVIII века – об этом свидетельствуют филигранные¹ – и реставрировалась

Ил. 1. Фрагмент филигранный «Герб Амстердама»;
внизу – реставрация вержированной бумагой

минимум два раза². Она написана тремя почерками, поздним полууставом³. Под крышками книги

¹ Л. 4-17, 18-27 (1-го сч.), 2-3, 9-22, 33-46 (2-го сч.) – «Герб Амстердама», подобен Дианова («Герб Амстердама») № 384 – 1711 г. На л. 4 виден фрагмент другой филигранный, не найденный в альбомах; на л. 28 – «Герб Амстердама», подобен Дианова («Герб Амстердама») № 385 – 1711, 1712 гг.

² На л. всего блока проставлена поздняя фолиация более светлыми чернилами поздним полууставом: 2 счёта; 1 сч: 1-28, 2 сч: 1-51; между л. 1 и 2 сч. вставлены 8 пустых л. невержированной бумаги. На л. 1-38 (1-го сч.) в верхнем правом углу проставлена фолиация арабскими цифрами простым карандашом с пропуском пятого л., оставшегося нумерованным. Л. 10 (1-го сч.), л. 13 (2-го сч.) подклеены белой вержированной бумагой XVIII в. На л. 13 утраченный фрагмент текста восстановлен поздним неумелым полууставом. Все л. подклеены вдоль корешка и в некоторых местах вдоль полей белой (напр., л. 45 об. – 47 2-го сч.) машинной бумагой вт. пол. XIX в. Текст л. 37 (а) полностью восстановлен на схожей бумаге чернилами и суриком поздним аккуратным полууставом. Без фолиации, (10 строк=45, 22 строки на странице). Л. 24 (1-го сч.) в верхнем поле простым карандашом, скорописью XX в. продублировано стёршееся рукописное «слово». При одной из реставраций блок был обрезан, частично срезаны колонтитулы, пометки на полях (см. л. 6 1-го сч.) На ряде л. 2-го сч. верхние края заставок и колонтитулы обрезаны.

³ 1 сч: почерк – 1: л. 1-28 об. аккуратный полуустав (10 строк=41, 60, 17 строк на стр.);

собранны Синодик патриарха Иова, Статья Вселенская, Чин на разлучение души от тела, Панихида по усопшим, Панихида малая и Лития за умерших, Каноны за единоумершего и единоумершую. Рукопись оформлена заставками старопечатного стиля, колонтитулами и колофонами. Есть вязь⁴.

Ил. 2. Пример оформления рукописи

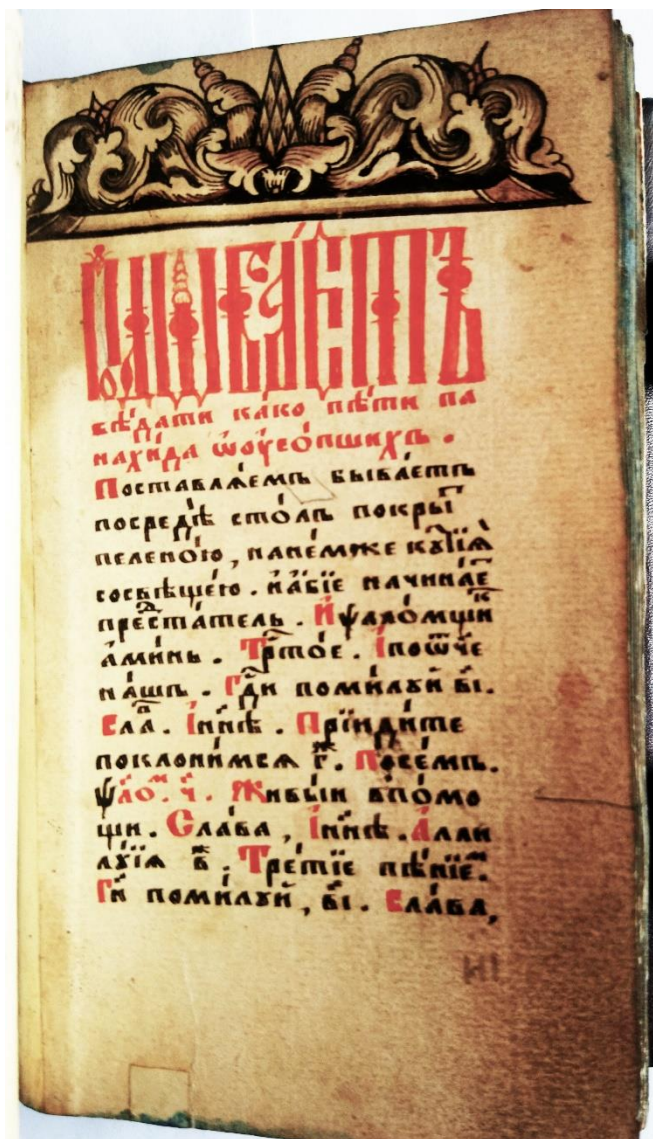
Состав, степень изношенности, формат (книга «карманного» размера) заставляют видеть в сборнике книгу для «повседневного» использования – по ней отпевали усопших. Но кого? Мирян? В рукописи присутствуют тексты, предназначенные для отпевания как мирян, так и монахов (Чин на разлучение души от тела), поэтому решить этот вопрос однозначно невозможно – возможно, статьи, предназначенные для монахов, были в протографе.

Ещё о составе. Несмотря на то, что один переплёт соединяет несколько произведений и почерков, считать рукопись конволютом однозначно нельзя: на это указывает общность темы, близкие

2 сч: почерк – 2: л. 1-16 мелкий полуустав, подобный старообрядческому (10 строк=33, 30 строк на стр.); почерк – 3: л. 18-37, 38-51 об. почерк становится крупнее, профессиональней: отличается начертание «юса малого», «омеги», «зело» (10 строк=42, 23 строки на стр.)

⁴ Заставки старопечатного стиля на л. 1 (1-го сч.); 18, 36, 44 (2-го сч.). Заставка на л. 44: тонировка зелёным и красным; колофоны на л. 24 об. (1-го сч.); 16 об., 31 об., 43 об., 51 об. (2-го сч.); колонтитулы на л. 1-4, 5-16 об.; л. 20-32 (частично обрезан до л. 23), 32-35 об., 36-43 об. (2-го сч.); буквицы: на л. 4 («П») (1-го сч.), 10 («Б»), 12 об («Р»), 13 об («Т»), 15 («П»), 42 об. («П») (2-го сч.); вязь на л. 1 (1-го сч.), 18, 36, 44 (2-го сч.)

даты бумаги и схожее оформление – автор всех немногочисленных заставок имитирует стиль гравюр старопечатных книг. Даже если это конволют, то стал он им очень рано – в книге, написанной тремя почерками только два счёта цифирной фолиации выцветшими чернилами.

Ил. 3. Пример оформления рукописи

Книга, по сравнению с другими, небогата записями и читательскими пометами: на л. 17 первого счёта и на задней крышке помещен глаголический экслибрис «АБ» [Алексей Безгодов]. Напротив текстов о поминании погибших внезапно, умерших без исповеди крестообразные читательские пометы. Записей нет. Интересно, что уже после создания рукописи писец правил текст: некоторые слова заключены в квадратные скобки, напротив них на полях надписаны верные чтения⁵.

⁵ На л. 6 писцом на полях надписан вариант к слову «Г<господ>на» – «тво[а]», на л. 8 об. вариант к слову «Христову» – «твою»; л. 5, 9, 19, 20 об., 21, 22, 23, «правовѣрныхъ мужей и» заключены в квадратные скобки, на л. 5 также затёрта; л. 9 об. «скачавшихся и»; л. 15 «и ѿт своихъ рукъ оумершихъ», «ѿт вин-

Оформление книги близко к поморским образцам: на это указывает стиль заставок, в киноварных строках встречаются чёрные инициалы (Ил. 2). Однако её оформление отличается от Выго-Лексинских образцов простотой, следовательно, речь должна идти о подражании поморскому стилю и его влиянии.

Эту рукопись я описывал в первой своей археографической экспедиции. Синодик поставил передо мной вопросы, которые, надеюсь, мне отчасти удалось разрешить в данной статье. А неразгаданные загадки пусть проложат дорогу в будущее.

Леонид Кулыгин,
кафедра Истории России до начала XIX в.

Из беседы с Марией Григорьевной Гавриловой (1935 г.р.) о деревне Китово⁶

Деревня была большая. При мне было полсотни [домов]. Да, раньше – больше, староверы были крепкие. Была большая моленная здесь, был батюшка здесь. Потом революция – всё, батюшку забрали, расстреляли, а иконы да книги на этих горах все сожгли. На самом склоне, там, где склон, всё сожгли: иконы и книги, и всё-всё-всё... А батюшку забрали и расстреляли. [Его звали] Тимофей.

Локотско [это] православные, а Железово, Гришкино⁷ – это староверы.

[Дед] такой был строгой к вере, к старообрядцам. Вот жил, а приходили ведь и православные, а если они кушали (раньше вилок-то не было), то скатерти домотканые. Вот они, если сидели все староверы своей семьёй, и кто-то пришёл православный, они доброжелательные были, но по за-

наго запойства»; л. 17 «ѿт напраснаго оудавленіа» (1-го сч.); л. 40 слово «доуши» на полях корректирует фразу «д<у>ша веселѣтса» (2-го сч.).

⁶ Крестецкий р-н, Новгородская обл.

⁷ Перечисленные соседние деревни – того же р-на.

кону, по уставу, на эту скатерть стлали отдельную им⁸. Вот такой был устав.

Посуду держали, посуда была разная. Три было. Для батюшки рабное было, а новожённые⁹ – это такие, для рабочих, православных. А кто не ходил на начал, тот мирской был, старOVER, а мирской.

Великой пост начинался, идём все на начал, кладём начал. Вот у нас уже батюшка не было, а крылос остался и была наставница – бабушка Агафья. И был такой большой дом у тётушки одной. И у ней там все и молились, собирались и ходили туда. Пост Великой начинался – идём все на начал. 17 поклонов в землю.

Колхоз был. В нашей деревне только две семьи туда не пошли – Глазовы. Один плотник был – кадки делал, помню, да тубаретки. Хуторов много было. Скот и поля все были распаханы: и пшеница, и овёс, и лён, и клевера сеяли, и травы все косили, и держали всё: и коров, и телят. А вот после войны были и куры, и свиньи. А в последнее время на молочное стадо перешли.

[Войну] помню чуть-чуть. Только вот помню, что в детстве пленных прогоняли по нашей деревне ну и помню, что, когда гнали, некоторые немцы ухитрялись уходить. Собирали потом бригады и ловили их. Вот помню, что рожь была высокая, сбегал, а есть то он тоже хочет, человек-то. И вот пробрался в деревню, его заметили и побежали мужчины и этого немца поймали. Поймали и в этот дом большой, где собиралось правление (решали вопросы). И в этот дом его милиция посадила, а мы как маленькие ребятишки бегали смотрели: связаны руки, ноги. И увезли его. А про бомбёжки – вот только слышно было в Крестцах, а у нас тут такого не было.

[Про молитву в детстве.] Так, а в общем, Иисусовы молитвы, клали начал каждую ночь, чашку так же держали¹⁰, посты все держали, хоть и маленькие. Всё было строго. Посуды было, помню, мало.

⁸ Символически разделялись в трапезе с людьми другой веры

⁹ «Рабные» и «новоженные» - понятия, сохранившиеся от более строго согласия старообрядцев-федосеевцев, исторических предшественников современных поморцев. Рабные принимали на себя исполнение строгих запретов, в числе которых – безбрачие. Новоженными вероятно следует считать староверов-поморцев, признающих браки, которых иначе принято называть «поморцы-брачники». Вероятно, третьей посудой следует считать мирскую, из которой могли есть те староверы, которые не положили начал, а также не староверы.

¹⁰ Т.е. соблюдали индивидуальную посуду.

Приходила бабушка-наставница. Ложки намоет, огонь разведёт и Иисусову молитву читала¹¹.

[На исповедь] ходили, а как же, все ходили в Великом посту. В этой деревне и молились, были книжницы, наставницы. [Агафья] тут большинство крестила. Потом другая бабушка – Паня приехала из деревни, потом и она умерла, а после остались мы без наставника, и все тут позаглохло. Вот эта баба Паня всех лечила. Она была наставница, но ещё не знаю, от какой бабушки ей было передано, но лечила она людей от всего. Или скотина пропала – к ней бегут. И она скажет, где и чего. Она с молитвой. Сначала перекрестит, молитву прочитает, а потом заговор читает.

[Иконы были] у всех, но был такой период, что приходили в дома и смотрели. Вот парторг пришёл к нам в дом, а у Вани была божница сделана, потому что были мы староверы и иконушки держали. Ну вот пришёл Пётр Иванович парторг, всё в партию записывать меня и его, а мы сказали, что не будем. Так вот он пришёл в гости, был какой-то праздник. Вот мы из-за стола вышли, а он мне и говорит: “Григорьевна, это надо бы убрать”. Я молчу. Приходит Иван и говорит: “Пётр Иванович, ты их ставил? Не ставил. Так отойди от икон по-хорошему, как они поставлены, так и будут стоять, никто до них не дотронется”.

В Крестцах баба Анна жила, она была наставница. У неё молились. И мы туда ездили.

Раньше всем старикам подавали. А как же, милостыньку подавали, чтобы молились.

[Престольный праздник] на Фрола. И зимний Никола.

Соб.: Елена Воронцова, Арина Котова,
Никита Введенский, Владислав Капитонов

Расшифровка: **Анастасия Симонова**
Кафедра истории Церкви

¹¹ Если староверская посуда «смешалась» с мирской, ее надо было «исправлять», чтобы вернуть в обиход – прокалывать, кадить.

АНАЛИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА

Автор и его дальнейшая судьба

Максим Борисович Пашинин в старообрядческой лавке

Автор рассматриваемого мной дневника – Максим Борисович Пашинин (род. 1962), архивист, историк старообрядчества, руководитель Культурно-паломнического центра имени протопопа Аввакума. Создатель издательства «Третий Рим», занимается изданием преимущественно старообрядческой литературы. В анализируемом полевом дневнике неоднократно упоминается особый интерес к описанию книг респондентов, что, вероятно, стало важным подспорьем в деле издания М.Б. Пашинным ряда текстов старообрядцев (например, “Сборник старообрядческий (полемиический)” конца XIX – начала XX века).

Регион и его особенности

За непродолжительное время экспедиции (судя по записям дневника, она длилась с июля по август 1986 года) автор с отрядом успели побывать в разных местах, ныне относящихся к различным субъектам Российской Федерации: Республика Удмуртия и Пермский край. В полевом дневнике упоминается ряд населенных пунктов, в которых побывали молодые этнографы, а именно: Ильинское, Юрковож, Евсенки, Юшково, Нердва, Старый Посад, Ильмово, Северный Коммунар, Степанёнки, Кулига, Бузмаки), Юклята, Абраменки, Кез, Эсеквал. Типы населенных пунктов, в которых автор проводил полевую работу, ставшую основой дневника – села и деревни.

Население Пермского края на момент переписи 1987 года (экспедиция – 1986) – 3.071.000 человек. Старообрядчество является важным элементом религиозного ландшафта региона. Население Удмуртии согласно переписи года экспедиции – 1.563.489 человек. Оба региона находятся в районе Поволжья.

Стиль дневника

Дневник М.Б. Пашинина по стилю напоминает путевые заметки, повествование о непрерывном движении. Одновременно похоже и на “Фрегат Паллада”, и на “В дороге”. Манера повествования динамичная, вызывающая определенный читательский интерес. Кроме того, часто встречаются списочные вставки: какие иконы показали археографам, какие книги подарили, к каким знакомым респонденты посоветовали обратиться. Динамичная форма повествования дополняется подчас остроумными вкраплениями в содержании текста. Так, Пашинин пишет о музее села Нердва:

“...где вместился исторический путь нердвинцев от мамонтов до космических кораблей”. В описания и повествования иногда вплетаются личные истории людей: впадаешь в печаль, читая о матери, обидевшейся на сына из-за его женитьбы и переезда, например.

Респонденты

- Денисова Екатерина Ефимовна (д. Евсенки)
- Переверзева Анна Петровна (д. Юрковож)
- Лузина Калиста Алексеевна (д. Юрковож)
- Даниил Иванович (д. Юрковож)
- Тудвосева Александра Ивановна (с. Нердва)
- Будалаков Михей Мартемьянович (д. Ильмово)
- Дементьев Андрей Федорович (д. Ильмово)
- Казакова Ефросинья Родионовна (д. Степанёнки)
- Анисья Тимофеевна (д. Степанёнки)
- Александра Родионовна (д. Степанёнки)
- Катерина Дмитриевна (д. Степанёнки)
- Евдокия Леонтьевна (д. Эсеквал)

Обобщенный портрет респондента

Основным типом опрашиваемого был старый человек, сохранивший какие-то артефакты старообрядчества былых времен. Чаще спрашивали грамотных, грамотных специально искали, так как книги – предметы, интересовавшие отряд – с большей вероятностью можно обнаружить у грамотных. Опрашиваемые старики часто одиноки.

Яркий эпизод

Запоминается эпизод вывоза книг. Пашинин описывает, как они смогли получить ценные экземпляры книг от одного почтальона: “Пообещав ему, что имя его войдет в анналы истории, выпросили у него 4 книги ... все XVIII века”. Мне вспоминается описание того, как Леви-Стросс выводил у детей хитростью их имена. Эта небольшая история от автора дневника показывает, что находчивость – важное для археографа качество! Эпизод, однако, примечателен не только этим. Поразителен вес

этих книг: Пашинин указывает, что общий вес четырех книг – тонна. Этот факт интересен не только сам по себе, но и как свидетельство сложности работы археографов.

Недостатки и упущения

Главным недостатком дневника, на мой взгляд, является некоторая скудость материала, обусловленная рядом причин. Среди них можно назвать нехватку времени; так, исследователи не смогли провести достаточно времени в месте, которое сами респонденты указывали как важное, в Старом Посаде: “Старый посад остался неизученным, хотя в Нердве все ссылаются на то, что если что-то и сохранилось, то только в Старом Посаде”. Еще одним упущением, не зависящим от Пашинина и его коллег, можно считать некоторую пресыщенность респондентов общением с учеными. Некоторые опрашиваемые с усталостью отвечали, что смотреть книги нет смысла, так как их уже неоднократно показывали. Богатый материал о местности является плюсом для науки, однако в ряде случаев он может препятствовать исследованию.

Василий Прокудин
кафедра религиоведения
философский факультет

ДОСПЕШКА

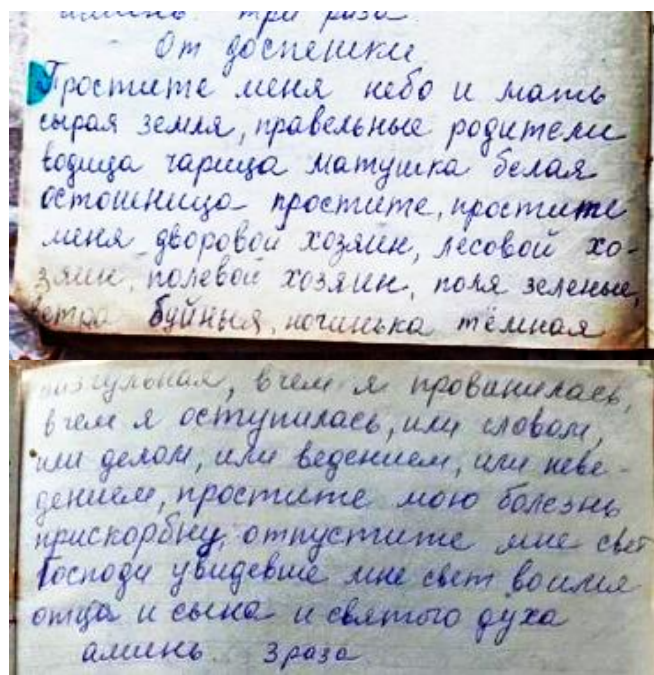
В этом году группа коллег приехала из одной деревни с горящими глазами, и все стали хвастаться, что беседовали с женщиной, которая чует покойников, верит в колдовство и описывает у себя что-то, похожее на пошибку¹². Сложно не позавидовать такому улову. Но и мы в этот день встретили у собеседницы интереснейшую тетрадку с заговорами.

С одной стороны, эта тетрадь является, несомненно, частью народной культуры, с другой –

отражением повседневных забот и интересов хозяйки: тексты в неё записывались по мере необходимости, это прослеживается в смешении тем заговоров, а также в смешении информации бытовой (как сажать картошку) и магической. Тематика текстов максимально широкая, от защиты дома и заговоров для рыбалки до народных молитв. В то же время, на обложке заботливой рукой хозяйки выписано, где, что и в каком количестве растёт у неё в огороде, а также от кого были получены семена, что открывает перспективу к изучению взаимоотношений в локальном коллективе. Забота о благополучии своего хозяйства прослеживается в наличии сельскохозяйственных заговоров.

В то же время совершенно удивительно осознавать, что перед тобой практически медицинская карточка человека. Тексты лечебной магии составляют почти половину (35 из 74).

Сразу бросилось в глаза, что упоминается четыре разных заговора от «осуда» (сглаза), при этом тексты от «доспешки» встречаются девять раз. По этому количеству становится очевидным, что избавление от доспешки сильно волновало нашу собеседницу. Но что же это такое? В прошлом году нам рассказывали, что делать при осуде, описывали порчу, в этом году коллеги встретили симптомы, похожие на пошибку, доспешка же оставалась «неведомым зверем».

Пример 1 заговора от доспешки

Этот термин мы слышали от пяти собеседниц. Две из них не смогли провести чёткой границы между осудом и доспешкой и определили последнюю как болезнь. Две других, отметили, что «это в сутках есть такие минуты, когда человек упал и ойнул сильно, и всё может случиться как ты “ой”». Ясность внесла женщина более непосредственная,

¹² Пошибка или икота – мелкий бес, который бывает посажен человеку колдуном и вызывает икоту и пр. Подробнее см.: Христофорова О.Б. Одержимость в русской деревне. М., 2016.

которая призналась, что dospешка возникает в случае, если ты сматерился и тем самым сам себя наказал. И летом мне казалось, что всё срослось идеально: dospешка является формой сглаза самого себя из-за произнесённого мата, мы же столкнулись с определённым сопротивлением информантов, когда из-за их нежелания показывать, что они матерятся, возникла ситуация недопонимания. Но, как представляется теперь, ситуация несколько шире. Ругательства здесь скорее опциональны и вовсе не стоят в центре схемы.

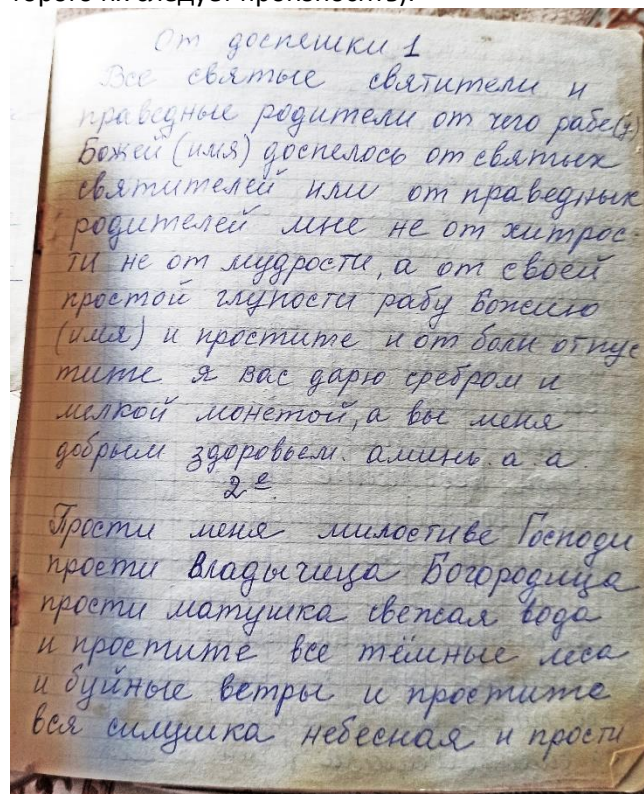
Одна из этих собеседниц указала на то, что это необычное слово является не больше, чем особенностью локального говора, как например, баркан (морковь) и дянки (варежки). Она определила dospешку как болезнь, когда тревожит, например, рука.

Уже в словаре Даля при определении «dospешки» читателя отсылают к новгородскому и тверскому хождению слова, и обозначают им несчастный случай, болезнь или припадок.

Слово это встречается и в Словаре Череповецкого уездного говора, составленного в начале XX века М.К. Герасимовым, под dospешкой подразумевались все внезапные болезни и полученные в результате травматичного опыта повреждения. Герасимов подчёркивает, что эта болезнь является следствием воздействия нечистой силы: эта неразрывная связь транслируется вербально и существует как ментальная установка. У двух наших героинь, напротив, на первый план выходит личная роль в этом (сам «ойкнешь» или ругнёшься), идея вмешательства нечистой силы при этом опускается. Идея собственной вины, согрешения чётко прослеживается в структуре заговорных текстов от dospешки – для большинства (7 из 9) из них централен мотив испрашивания прощения: «в чём провинилась, в чём я оступилась или словом, или делом, ведомо или неведомо». Интересно и то, что произносящий указывает на то, что прегрешение было совершено от глупости или неведения. При этом прощение просится не только у церковно одобряемого круга лиц (Господь, Богородица, святые), у так называемых «правильных родителей», но и у сил природы и лесовых, домовых и дворовых хозяев. В некоторых текстах в обмен на здоровье адресатам сулятся «серебро и мелкая монета».

Нельзя назвать эту формулу излечения типичной, по текстам тетрадки видно, что для избавления от осуда надо выполнить комплекс действий, вина же за сглаз перекладывается на другое лицо, к болезням по типу грудницы (мастит) обращаются напрямую. Мотив прощения фигурирует только в текстах, относящихся к dospешке, и двух загово-

рах, направленных целиком и полностью на извинение (не указан недуг или случай, по поводу которого их следует произносить).

Пример 2 заговора от dospешки

Dospешка как модель получения заболевания может проявляться в виде разных болезней, например, в тетради несколько раз фигурируют заговоры от рожи (инфекционное заболевание кожи). И эта связь любопытна тем, что именно в такой комбинации dospешка наделяется чертами живого существа, к ней обращается произносящий заговор. Кроме того, по тексту выходит, что dospешка является следствием осуда, поскольку герой просит помиловать его «от всякого глаза». Эта близость к сглазу фиксируется в заговоре на воду, где герой просит избавить его «от всех скорбей и болей, dospешек, недугов и призоров» (призор – то же, что и сглаз). Dospешка в данном случае помещена в более широкий контекст, упоминается с наравне с обыденными горестями, однако контекст чужой или собственной ответственности за перечисленные горести также присутствует: герой просит здоровья «от стрешнего, от поперешнего, от черного и от белого, от своей худой думы».

В современном Новгородском областном словаре dospешка рассматривается также как недуг, вызванный чем-то типологически родственным сглазу. Наиболее интересен близкий к определению наших собеседников пример: «Упадёшь, сругнёшься, и в сей же момент dospешка и пристанет, место-то убитое и заболит». В словаре помимо Крестецкого р-на, в котором мы работали, указано ещё 13 районов, где фиксировалась dospешка.

В заговорах, гуляющих по пространству интернета, также подчёркивается близость доспешки и сглаза. Однако иногда встречается примечание к доспешке: «выйдешь не в час и что-нибудь заболит», при этом заговорная формула также включает мотив прощения. Это наталкивает на мысль о том, что не всегда за «ойкнешь» респондента стоит ругательство (даже если паззл идеально складывается). Вероятно, в ряде случаев действительно представления о доспешке связывают её с неурочным часом, с временным критерием.

Таким образом, слово «доспешка» указывает на местное хождение заговоров: доспешка является частью картины мира для того региона, притом, судя по количеству разных тетрадных текстов, посвящённых ей, частью не случайной. С другой стороны, на примере этого термина я убедилась в том, что не стоит делать поспешных выводов и смешивать в единое определение все версии информантов. В первую очередь, доспешку надо рассматривать как болезнь, недуг, это фиксируется во всех встреченных примерах. Она является родственной осуду. И несмотря на то, что в текстах заговоров в тетради прямо транслируется идея наказания за какую-то вину (пусть и неосознанную), о том, что доспешка напрямую связана с ругательством, можно говорить лишь в двух рассмотренных случаях, где это прямо фиксируется.

Арина Котова

Кафедра истории России до начала XIX в.

Проблемы атрибуции старообрядческих изданий вт. пол. XIX – нач. XX века на примере издания Минеи общей, типографии Л.А. Гребнева

Старообрядческое книгопечатание — это закономерное явление нашей культуры, вызванное к жизни идеологическими ориентациями и практическими интересами определенной части русского общества¹³. В условиях отказа от использования «исправленных» книг с одной стороны и износа дораскольных изданий с другой, вкупе с целенаправленной политикой государства по изъятию последних, перед староверами естественным образом встала необходимость в организации собственной книжной печати.

Процесс развития книгопечатного дела в старообрядческой среде можно подразделить на ряд этапов: первый — 1701–1821 гг., второй — 1822–конец 50-х гг. XIX века; третий — нач. 60-х гг. XIX в. — 1905 г.; четвертый — 1906–1918 гг.¹⁴. Мы сосредоточим наше внимание на двух последних наименее исследованных из них. Акцент будет сделан на книгоиздательской деятельности старообрядцев-беспоповцев, а конкретно беспоповцев федосеевского согласия.

Стоит отметить, что федосеевцы довольно поздно обратились к печатному способу тиражирования книг — на рубеже 50–60-х гг. XIX в.¹⁵. Тем не менее, за чуть более чем 50-летний период активности федосеевских типографий мы можем назвать ряд ключевых, основополагающих для этого времени предприятий. Прежде всего, это типографии братьев Овчинниковых, Д.Д. Крупина и Л.А. Гребнева.

Первое упоминание о типографии братьев Алексея и Андрея Овчинниковых датируется 1863 г. Поскольку до 1905 г. старообрядческое книгопечатание являлось незаконным полиция неоднократно находила и арестовывала типографию, однако каждый раз братьям удавалось вновь наладить

¹³ Починская И.В. Старообрядческое книгопечатание XVIII — первой четверти XIX веков. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. С. 9.

¹⁴ Вознесенский А.В., Мангулев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 3.

¹⁵ Починская И.В. Книгопечатание старообрядцев-федосеевцев во 2-й пол. XIX — нач. XX в. (до 1906 г.) // Уральский сб.: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 146.

производство книжной продукции¹⁶. Характерной особенностью типографии было использование большого количества шрифтов, а также особенный стиль орнаментики, характеризующийся перенесением мотивов из рукописной традиции¹⁷. Около 1895 г. Овчинниковы продали свою типографию своему одноверцу Д.Д. Крупину, который продолжил дело братьев на поприще книгоиздательства. Типография проработала семь лет и в 1902 г. была найдена и конфискована полицией. В то же время, книгопечатание федосеевцев не было прервано – в далекой от Москвы деревне Дергачи Уржумского уезда Вятской губернии Лукой Арефьевичем Гребневым в 1899 г. была устроена тайная типография. Вполне возможно, что Л.А. Гребнев обучался печатному делу у Д.Д. Крупина, с которым находился в дружеских отношениях, а может и у братьев Овчинниковых, на что указывает следование им в печати некоторым приемам, характерным для его предшественников¹⁸. В частности, в выходных данных Гребнев в качестве места издания указывал Почаев или давал информацию аналогичную той, какая встречается у Овчинниковых: «Напечатана в типографии христиан соловецкого и старообрядческого потомства». После уравнивания старообрядцев в правах с остальными гражданами империи в 1905 г. Л.А. Гребнев отправился в Москву, где помогал председателю Совета Преображенского кладбища Г.К. Горбунову при устройстве официально разрешенной старообрядческой типографии. В частности, известно, что Л.А. Гребневым по лекалам его собственной Дергачевской типографии были отлиты шрифты для станков Московской типографии¹⁹. Однако вскоре печатник вернулся обратно в Вятский край, где в 1908 г. в селе Старая Тушка возобновил активную книгоиздательскую деятельность, снабжая окрестных старообрядцев необходимой литературой²⁰. Типография проработала 10 лет, прежде чем была закрыта советскими властями в октябре 1918 г.²¹

¹⁶ Починская И.В. Проблемы атрибутирования изданий старообрядческой типографии Овчинниковых // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. №25. С. 74.

¹⁷ Она же. Книгопечатание старообрядцев-федосеевцев. С. 147.

¹⁸ Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. С. 55.

¹⁹ Очерки истории старообрядчества Урала... С. 56.

²⁰ Починская И.В. Гребнев / И.В. Починская // Православная энциклопедия. М., 2006. Т.12. С. 312.

²¹ Вознесенский А.В., Мангулев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев... С. 32.

Заставка типа № 23, (123х19) – лл. 268 об., 271 об., 272 об., по каталогу орнаментики типографии Овчинниковых

Неустановленная заставка с Голгофой и орудиями Страстей (149х47) – лл. 199, 221 об. 2-го сч.

Неустановленный инициал «В» (43х32) – л. 274 2-го сч.

Как видим, книгопечатание федосеевцев вт. пол. XIX – нач. XX в. имело скромные масштабы, что в первую очередь было связано с государственными ограничениями, а также, в свою очередь, с недостатком средств у организаторов для расширения книжного производства. В целом, это характерная ситуация для данного периода: если в XVIII – нач. XIX вв. издателями книг было старообрядческое купечество, размещавшее свои заказы в довольно крупных типографиях со сложившейся базой декора, то в рассматриваемый нами период организаторами книгопечатания стали по преимуществу мещане и крестьяне, заведения которых являлись нелегальными, а следовательно, небольшими, а также не имевшими достаточного финан-

сирования²². Это отражалось, в том числе на качестве бумаги и, что особенно важно в контексте атрибутирования старообрядческих изданий, на характере орнаментации, ставшей проще по сравнению с более ранними изданиями²³. По этой причине при атрибуции изданий данного периода орнаментика должна учитываться в комплексе с другими признаками.

В качестве примера приведем открытое нами в 2023 г. в ходе ежегодной экспедиции межкафедральной археографической лаборатории истфака МГУ новое издание Минеи общей, датируемое началом XX в. Поскольку в выходных данных приводится ложное место издания – Почаев, для атрибуции приходится обратиться к сторонним признакам. Используя данные орнаментаки, удалось установить, что несколько типов заставок встречаются у Гребнева²⁴, причем в количественном отношении они составляют 85% от общего числа украшений (35 шт.). Также в пользу принадлежности данного издания к типографии Л.А. Гребнева свидетельствуют датировка переплета – нач. XX в., а также ряд помет внутри самой книги. Так, в службе Честному и Животворящему Кресту Господню, на л. 177 об. простым карандашом зачеркнуто «хр<и>столюбивому ц<а>рю», на л. 190 зачеркнуто «ц<а>рю», что косвенно свидетельствует об использовании книги именно в среде федосеевского согласия²⁵.

Однако ряд особенностей издания могут поставить подобную атрибуцию под сомнение. Так, одна заставка принадлежит к кругу орнаментаки, использовавшейся в типографии братьев Овчинниковых²⁶; также одну заставку и один инициал не удалось определить ни по одному из доступных каталогов. К тому же, сама Минея напечатана в формате 2⁰, нехарактерном для типографии Л.А. Гребнева, издававшей преимущественно малоформатные издания^{27, 28}.

Тем не менее, мы склонны придерживаться атрибуции данного издания Л.А. Гребневу, отмечая, что в альбоме его орнаментаки встречаются оттис-

ки, практически идентичные заставкам с досок Овчинниковых; также известно, что Л.А. Гребнев сам давал заказы на копирование орнаментаки Овчинниковых в граверную мастерскую Н.Е. Ермолова в Москве²⁹. Что касается вопроса о формате, заметим, что среди изданий Л.А. Гребнева все-таки имеются редкие примеры формата в 2⁰.

Несмотря на все вышесказанное, приходится признать недостаточность данных орнаментаки для точной атрибуции и датировки старообрядческих изданий вт. пол. XIX – нач. XX в. В связи с этим, как представляется, можно наметить основные направления исследовательской работы:

- 1) составление справочника шрифтов, которые становятся дополнительным атрибутирующим признаком для изданий рассматриваемого нами периода³⁰;
- 2) пополнение альбомов орнаментаки и по возможности их привязка к конкретной дате или типографии;
- 3) использование комплекса этих методов при описании книжных памятников старообрядческой печати.

Данила Кочанников
кафедра истории Церкви

Фотографии

А. Сорокиной, Е.В. Воронцовой

Составитель номера

Н.В. Литвина, Е.В. Воронцова

Верстка

Н.В. Литвиной

Редакторы

Н.В. Литвина, Е.В. Воронцова

Археографическая лаборатория
исторического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова
archlab@mail.ru

²² Починская И.В. Проблемы атрибутирования изданий... С. 73-74.

²³ Там же. С. 74.

²⁴ Типы №№ 3, 5-7, по альбому орнаментаки типографии Л.А. Гребнева – См.: Очерки истории старообрядчества Урала... С. 58-83.

²⁵ Юхименко Е.М. Беспоповцы / Е.М. Юхименко, А.И. Мальцев, Е.А. Агеева // Православная энциклопедия. М., 2002. Т.4. С. 703, 711.

²⁶ Тип № 23, по каталогу орнаментаки типографии Овчинниковых – См.: Починская И.В. Проблемы атрибутирования изданий... С. 85-90.

²⁷ Очерки истории старообрядчества Урала... С. 58.

²⁸ В качестве примера можно привести Осмогласник 1910 г., изданный в Старой Тушке в формате 40, описанный нами в ходе экспедиции 2023 г.

²⁹ Очерки истории старообрядчества Урала... С. 57-58.

³⁰ Починская И.В. Проблемы атрибутирования изданий... С. 74.